

Научная статья

DOI: 10.15393/j10.art.2025.7921

EDN: AYQMEE

Урок мастерства ценою в пятак: Достоевский и Григорович

М. А. Артемьев

независимый исследователь

(г. Москва, Российская Федерация)

e-mail: art-maksim@yandex.ru

Аннотация. Ф. М. Достоевский и Д. В. Григорович, знакомые со времен учебы в петербургском пансионе К. Ф. Костомарова, а затем в Главном инженерном училище, являлись противоположными натурами и на протяжении их общения никогда не были особенно близки. Однако середина 1840-х гг. стала временем наибольшего сближения двух писателей и их взаимного влияния на творчество друг друга. Одним из самых известных эпизодов мемуарной литературы о Достоевском является случай, описанный Григоровичем. В 1844 г. начинающий писатель Достоевский дал Григоровичу, готовящему к печати дебютное произведение «Петербургские шарманщики», совет дополнить описание падения брошенного шарманщику пятак яркой деталью. Образ звякающей и подпрыгивающей монеты стал примером тонкости литературного вкуса будущего автора «Бедных людей» и образцом стилистических требований к реалистическому произведению. Свидетельство Григоровича обычно принимается и цитируется без сомнений в его достоверности. В статье приведены факты, что бывший сосед Достоевского по квартире имел способность сочинять в своих разговорах и воспоминаниях. Однако историю с Достоевским он вряд ли сочинил, так как литературный урок отразился не только в очерке Григоровича «Петербургские шарманщики», но и в повести «Пахарь». Разговор с Григоровичем и чтение его очерка не прошли бесследно для самого Достоевского. Он использовал образ звякающей монетки, брошенной шарманщику, в романе «Бедные люди», а в рассказе «Господин Прохарчин» перечислил героев народного кукольного театра из очерка Григоровича. Вероятно, стилистический урок Достоевского Григорович помнил спустя полвека. Судя по наставлениям, данным Григоровичем молодому писателю Антону Чехову в письме 1886 г., он с возрастом и усовершенствованием писательских навыков уточнил свою позицию относительно пределов допустимого при введении художественных деталей в реалистические описания. В результате он советовал Чехову не увлекаться излишними подробностями, имеющими «цинический оттенок» и портящими впечатление от текста у читателя, — молодой писатель согласился с Григоровичем и последовал этой рекомендации в дальнейшем творчестве. Советы по совершенствованию литературного стиля, данные Достоевским и впоследствии Григоровичем, стали классическими уроками писательского мастерства.

Ключевые слова: Достоевский, Григорович, Чехов, натуральная школа, Физиология Петербурга, шарманка, Бедные люди, Господин Прохарчин, Преступление и Наказание, переписка

Для цитирования: Артемьев М. А. Урок мастерства ценою в пятак: Достоевский и Григорович // Неизвестный Достоевский. 2025. Т. 12. № 2. С. 61–71. DOI: 10.15393/j10.art.2025.7921. EDN: AYQMEE

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2025.7921

EDN: AYQMEE

A Skill Lesson Worth Five Kopecks: Dostoevsky and Grigorovich

Maxim A. Artemyev

Independent Researcher

(Moscow, Russian Federation)

e-mail: art-maksim@yandex.ru

Abstract. F. M. Dostoevsky and D. V. Grigorovich, who had known each other since studying at the K. F. Kostomarov's preparatory boarding school in St. Petersburg, and then at the Main Engineering School, were of opposite natures and had never been particularly close during their interactions. However, the mid-1840s were the time of the greatest rapprochement between the two writers and their mutual influence on each other's work. One of the most famous episodes in memoirs about Dostoevsky is the incident described by Grigorovich. In 1844 the aspiring writer Dostoevsky advised Grigorovich, who was preparing his debut work "St. Petersburg Organ Grinders" for publication, to supplement the description of the 5-copeck coin thrown to the organ grinder with a vivid detail. The image of a ringing and bouncing coin became an example of the subtlety of the literary taste of the future author of "Poor Folk" and a paragon of stylistic requirements for a realistic work. Grigorovich's testimony is usually accepted and quoted without any doubt as to its authenticity. The article presents the fact that Dostoevsky's former flatmate sometimes made things up in his conversations and memoirs. However, he was unlikely to have made up this story, since the literary lesson was reflected not only in the essay "Petersburg Organ Grinders," but also in the short novel "Plowman" by Grigorovich. The conversation with Grigorovich and the reading of his essay did not pass unnoticed by Dostoevsky himself. He used the image of a jingling coin tossed to an organ grinder in the novel "Poor Folk," and in the story "Mr. Prokharchin" he listed the toy characters of Grigorovich's essay. Grigorovich seems to have remembered Dostoevsky's stylistic lesson half a century later. Judging by the advice given by Grigorovich to the young writer Anton Chekhov in a letter from 1886, as he grew older and improved his writing skills, he clarified his position on the limits of acceptability when introducing artistic details into realistic descriptions. As a result, he advised Chekhov not to get carried away with unnecessary details that have a "cynical connotation" and spoil the reader's impression of the text. The young writer agreed with Grigorovich and followed this recommendation. The advice on improving literary style given by Dostoevsky and later Grigorovich became classic lessons of writing skill.

Keywords: Dostoevsky, Grigorovich, Chekhov, natural school, Physiology of St. Petersburg, hurdy-gurdy, Poor Folk, Mr. Prokharchin, Crime and Punishment, correspondence

For citation: Artemyev M. A. A Skill Lesson Worth Five Kopecks: Dostoevsky and Grigorovich. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2025, vol. 12, no. 2, pp. 61–71. DOI: 10.15393/j10.art.2025.7921. EDN: AYQMEE (In Russ.)

В начале 1844 г. между Дмитрием Григоровичем и Федором Достоевским состоялся «разговор, ставший хрестоматийным», по словам Г. Г. Елизаветиной [Елизаветина: 10]¹. Один начинающий писатель дал урок литературного мастерства другому новичку, написавшему очерк «Петербургские шарманщики». Григорович вспоминал об этом спустя полстолетия:

«Он <Достоевский>, по-видимому, остался доволен моим очерком, хотя и не распространялся в излишних похвалах; ему не понравилось только одно выражение в главе "Публика шарманщика". У меня было написано так: когда шарманка перестает играть, чиновник из окна бросает пятак, который падает к ногам шарманщика. "Не то, не то, — раздраженно заговорил вдруг Достоевский, — совсем не то! У тебя выходит слишком сухо: пятак упал к ногам... Надо было сказать: пятак упал на мостовую, *звеня и подпрыгивая*..." Замечание это, — помню очень хорошо, — было для меня целым откровением. Да, действительно: *звеня и подпрыгивая* — выходит гораздо живописнее, дорисовывает движение. Художественное чувство было в моей натуре; выражение: пятак упал не просто, а *звеня и подпрыгивая*, — этих двух слов было для меня довольно, чтобы понять разницу между сухим выражением и живым, художественно-литературным приемом» [Григорович, 1987: 79].

В окончательном варианте очерка «Петербургские шарманщики», опубликованном в 1845 г. в сборнике под редакцией Н. Некрасова «Физиология Петербурга»², это место выглядит так:

«...с горя шарманщик обратился к ложам, то есть к окнам, в которых все еще торчали головы любопытных; наконец один пятак упал, *звеня и прыгая*, на мостовую...» [Григорович, 1988; т. 1: 74].

Изменила ли память Григоровичу, спустя почти 50 лет не совсем точно процитировавшему в воспоминаниях текст собственного очерка («прыгая» вместо «подпрыгивая»)? Мемуарист имел право на художественную обработку предания, но, скорее всего, слова Достоевского он передал верно.

¹ В «Летописи жизни и творчества Ф. М. Достоевского» это событие ошибочно датировано октябрём 1844 г. [Летопись: 93], что представляется невозможным. К этому времени подготовка «Физиологии Петербурга» была завершена и рукопись сборника проходила цензуру (ценз. разр. — 2 ноября). Григорович свидетельствует, что, когда они вскоре после этой встречи поселились на одной квартире с Достоевским, тот только что закончил перевод «Евгении Гранде» (первая часть которой была напечатана в № 6 «Репертуара и Пантеона», вышедшем в свет в начале июня 1844 г.; см.: [Летопись: 88]). Достоевский закончил перевод повести Бальзака в январе 1844 г. Григорович отмечает, что, когда «Евгения Гранде» была напечатана, они с Достоевским уже жили вместе [Летопись: 206]. По соотношению этих наблюдений датировем встречу писателей зимой-весной 1844 г. (Указано Б. Н. Тихомировым.)

² Григорович Д. В. Петербургские шарманщики // Физиология Петербурга, составленная из трудов русских литераторов / под ред. Н. Некрасова. СПб.: Издание книгопродавца А. Иванова, 1845. Ч. 1. С. 133–191.

В повести Григоровича «Пахарь», появившейся в 1856 г. в журнале «Современник», встречается подобный пассаж, но относящийся не к монете, а к другому предмету:

«За ним, звеня и подпрыгивая, тащилась борона с прицепившимися к ее зубьям комками косматых трав и корней» [Григорович, 1988; т. 2: 20].

Впервые слова «звеня и подпрыгивая» из повести «Пахарь» с литературным уроком от Достоевского связал А. А. Макаров, комментатор сочинений Григоровича [Макаров: 571], а сам мемуарист об этом использовании образа не упоминал.

Разговор с Григоровичем и чтение его очерка не прошли бесследно и для Достоевского. В романе «Бедные люди», опубликованном в 1846 г., имеется следующая сценка:

«Шарманщик расположился перед чьими-то окнами. <...> Прошел один господин и бросил шарманщику какую-то маленькую монетку; монетка прямо упала в тот ящик с огородочкой, в котором представлен француз, танцующий с дамами. Только что звякнула монетка, встрепенулся мой мальчик, робко осмотрелся кругом да, видно, на меня подумал, что я деньги дал» [Д30; т. 1: 87].

Появление в дебютном произведении Достоевского шарманщика неудивительно — А. В. Красушкина и С. П. Сорокина пишут о значимой роли этой фигуры русской городской жизни в литературе 40-х гг. XIX в. (см.: [Красушкина], [Сорокина]). Но если рассматривать дальнейшее творчество писателя, то в его романе «Преступление и Наказание», изданном в 1866 г., также встречаются сквозные образы шарманки и шарманщика. Вот один из примеров:

«— Любите вы уличное пение? — обратился вдруг Раскольников к одному, уже немолодому, прохожему, стоявшему рядом с ним у шарманки и имевшему вид фланера. Тот дико посмотрел и удивился. — Я люблю, — продолжал Раскольников, но с таким видом, как будто вовсе не об уличном пении говорил, — я люблю, как поют под шарманку в холодный, темный и сырой осенний вечер...» [Д30; т. 6: 121].

Нередкое использование образа шарманки в произведениях Достоевского («Бедные люди», «Преступление и Наказание», «Господин Прохарчин») отмечает С. А. Петрова [Петрова]. Нас же в первую очередь интересуют конкретные детали, связанные с шарманкой, в раннем творчестве писателя.

В «Бедных людях», как и в «Петербургских шарманщиках», встречается эпизод бросания монеты артисту. У Достоевского тот же звуковизуальный образ падающей монеты описан другими словами: «звякнула монетка». Более того, в один год с появлением романа Достоевского вышел из печати его рассказ «Господин Прохарчин», в котором встречаются персонажи очерка Григоровича:

«...укладывает в свой походный ящик оборванный, небритый и суровый артист-шарманщик своего пульчинеля, набуянившего, переколотившего всех, продавшего душу черту и наконец оканчивающего существование свое до нового представления в одном сундуке вместе с тем же чертом, с арапами, с Петрушкой, с мамзель Катериной и счастливым любовником ее, капитаном-исправником» [Д30; т. 1: 251–252].

Годом ранее очеркист Григорович подробно описал всех упомянутых у Достоевского персонажей:

«...черт, чрезвычайно похожий на козла, должен увлечь Пучинелла, являются на сцену два арапа, играющие палкою...».

«Пучинелла принят с восторгом; характером он чудак, криклив, шумлив, забияка...».

«Публика смеется доверчивому Пучинелла, который побежал за мамзель Катериною. Вот является и она сама на сцену, танцует с капитаном-исправником и уходит».

«Неунывающий Пучинелла садится верхом на черта...».

«...Петрушка, лицо неразгаданное, мифическое, неуместным появлением своим не спасает Пучинелла от роковой развязки...» [Григорович, 1988; т. 1: 60, 71, 72, 73].

Достоевский и Григорович, знакомые с лета 1837 г., — времени учебы первого в петербургском пансионе К. Ф. Костомарова (Григорович навещал своего педагога), а затем обоих в Главном инженерном училище, — являлись противоположными по характеру натурами и на протяжении их общения никогда не были особенно близки. По воспоминаниям их воспитателя и товарища при Главном инженерном училище А. И. Савельева, «эти два человека с детства были две совершенно разнородные силы, анод и катод, положительные и отрицательные, так что то, что нравилось и занимало одного, не могло нравиться другому: что привлекало Григоровича <...>, Достоевскому казалось скучным <...>. Первый любил удовольствия, прогулки, игры, купанья, его занимали фонтаны, штурмы на каскады, а владея прекрасно французским языком, он легко знакомился с детьми наших аристократов и богатых людей, с подпрапорщиками и пажами. Второго, Достоевского, ничто подобное не занимало, по-прежнему его можно было найти или одного в уголке шатра, с книгою или письмом, всегда задумчивым и если говорившим, то тихо и особенно продолжительно»³.

³ Савельев А. Григорович в инженерном училище по воспоминанию товарища // Дмитрий Васильевич Григорович. Его жизнь и сочинения / сост. В. Покровский. 2-е изд., доп. М., 1910. С. 8–9.

Однако середина 1840-х гг. — когда состоялся описываемый разговор о «Петербургских шарманщиках» между Достоевским и Григоровичем, а также создавались «Бедные люди» и «Господин Прохарчин», — являлась временем наибольшего сближения двух писателей. В 1844–1845 гг. они снимали квартиру:

«...квартира состояла из кухни и двух комнат с тремя окнами, выходившими в Графский переулок; последнюю комнату занимал Достоевский, ближайшую к двери — я. Прислуги у нас не было, самовар ставили мы сами, за булками и другими припасами также отправлялись сами» [Григорович, 1987: 80].

В 1846 г. товарищи совместно посещали литературно-философский кружок Бекетовых, пробовали себя в соавторстве, написав «Вступление» к альманаху «Первое апреля» и, вместе с Некрасовым, коллективный фельетон «Как опасно предаваться честолюбивым снам» [Летопись: 114].

Неудивительно взаимное влияние Достоевского и Григоровича на творчество друг друга именно в 1840-е гг. В дальнейшем их пути постепенно разошлись. В 1849 г. Достоевский был арестован и на десять лет выпал из литературы и общественной жизни. Григорович, в свою очередь, отошел от писательского ремесла с 1864 г. и снова взялся за перо только в середине 1880-х гг. Встречи товарищей молодости стали редкими. Известно, например, что 14 апреля 1860 г. они в качестве самодеятельных актеров были заняты в спектакле «Ревизор» (см. об этом: [Тихомиров]), в 1861 и 1863 гг. Григорович опубликовал две статьи в журнале братьев Достоевских «Время»⁴. Возможно, их расхождению также способствовала статья Ап. Григорьева «Отживающие в литературе явления», опубликованная в журнале «Эпоха» и содержащая резкую критику творчества Григоровича⁵. Собственно, и художественное взаимодействие начинающих писателей в начале 1840-х гг. носило характер случайности и было обусловлено их общением в кругу воспитанников Главного инженерного училища.

Роль Григоровича в распространении сплетен отмечена его современниками и исследователями (см. об этом: [Захаров: 94–95]). В его воспоминаниях есть сведения, подвергшиеся обработке и ставшие недостоверными. В. Л. Комарович выделил характерную особенность стиля Григоровича-мемуариста:

«Пристрастие к анекдоту, умело выхваченному из родного ему литературного или театрального быта, было отличительной чертой Григоровича, его

⁴ Григорович Д. В. Уголок Андалузии. (Из путевых записок). Посвящено А. И. Якуничиковой // Время. 1861. № 10. Октябрь. С. 364–434; Григорович Д. В. Ницца и Генуя. (Из путевых записок) // Время. 1863. № 1. Январь. С. 306–360.

⁵ Григорьев Ап. Отживающие в литературе явления // Эпоха. 1864. № 7. Июль [Электронный ресурс]. URL: <https://philolog.petrstu.ru/fmdost/epoha/epoha.html> (15.01.2025).

второй натурой, его непреодолимой слабостью. По свидетельству Авд. Панаевой, он "обладал талантом комически рассказывать разные бывалые и небывалые сцены о каждом своем знакомом". И он рассказывал их с артистическим самозабвением, "захлебываясь и со слезами смеха на глазах", часто без всякого злого умысла, — сплетничал благодушно и обаятельно, кому угодно о ком угодно: Достоевскому о Некрасове, Белинскому и Тургеневу о Достоевском, Фету о Тургеневе и Толстом, Александру Дюма о Некрасове и Панаевой. Последствия сплошь и рядом были, конечно, далеко не веселые» (цит. по: [Захаров: 94]).

Исходя из этого, можно было бы поставить под сомнение факт диалога Григоровича с Достоевским о «Петербургских шарманщиках». Это сомнение поддерживается отношением зрелого Достоевского к Григоровичу как к ненадежному свидетелю. В письмах жене конца мая — начала июня 1880 г. из Москвы, куда Достоевский поехал на Пушкинский праздник и где часто встречался после длительного перерыва с товарищем юности, он отзывался о нем определенно:

«...Григорович остался, не намереваясь уходить. Начал мне рассказывать разные разности за все тридцать лет, вспоминать старое и проч. Наполовину, конечно, врал, но было и любопытное».

«Затем был Григорович, много врал и злословил».

«Григорович врал разные рассказы» [Д30; т. 30, кн. 1: 169–170, 174, 177].

Косвенным доказательством тому, что история с литературным уроком, преподанным Достоевским, все-таки не выдумана мемуаристом Григоровичем, является звуковизуальный образ звенящей и подпрыгивающей бороны в повести «Пахарь». Если считать разговор двух начинающих литераторов 1840-х гг. состоявшимся, а не сочиненным, то он имел следующие последствия. Во-первых, в очерк «Петербургские шарманщики» Григорович ввел слова «звеня и прыгая». Вскоре сам Достоевский использовал образ звякающей монетки, брошенной шарманщику, в «Бедных людях», а в «Господине Прохарчине» перечислил персонажей народного кукольного театра из очерка Григоровича. Через двенадцать лет слова «звеня и подпрыгивая» появились в повести «Пахарь» — Григорович помнил этот образ. И уже в конце жизни, при написании воспоминаний, Григорович вновь использовал эти слова — как выразительную характеристику художественного вкуса и чувства языка Достоевского.

Когда в начале 1890-х гг. Григорович писал воспоминания, он вполне сознавал масштаб Достоевского (см., напр., о первом упоминании Достоевского во французской поэзии [Артемьев]). Но не только по этой причине ему, получившему известность после выхода «Петербургских шарманщиков», казалось допустимым выступить в воспоминаниях в роли ученика

своего ровесника, еще ничего не опубликовавшего (хотя и работавшего в это время над романом «Бедные люди»). Еще в молодые годы обоих писателей «на Григоровича имели большое влияние начитанность Достоевского, знание им трудов многих русских и иностранных писателей, и все, что говорил Ф<едор> М<ихайлович> для Григоровича, по его словам, "было откровением, назиданием, оказавшим благодетельное действие на всю его будущую литературную деятельность"», — писал А. И. Савельев⁶.

Описываемый разговор стал общим местом в русской словесности, едва ли не самым известным сюжетом из «Литературных воспоминаний» Григоровича. Однако Григорович мог вспомнить урок Достоевского и еще раз. В марте 1886 г., спустя более чем сорок лет, уже автор «Петербургских шарманщиков» сыграл роль наставника молодого писателя. В письме к Антону Чехову от 25 марта 1886 г. (не менее известный образец литературного мастерства, чем беседа Григоровича с Достоевским) он писал:

«В основу Ваших рассказов часто взят мотив несколько цинического оттенка, к чему это? Правдивость, реализм не только не исключают изящества, — но выигрывают от последнего. Вы настолько сильно владеете формой и чувством пластики, что нет особой надобности говорить, например, о грязных ногах с вывороченными ногтями и о пупке у дьячка. Детали эти ровно ничего не прибавляют к художественной красоте описания, а только портят впечатление в глазах читателя со вкусом. Простите мне великодушно такие замечания; я решился их высказать потому только, что истинно верю в Ваш талант и желаю ему ото всей души полного развития и полного выражения» [Чехов: 428].

В ответном письме от 28 марта 1886 г. Чехов согласился:

«Я с Вами во всем согласен. Циничности, на которые Вы мне указываете, я почувствовал сам, когда увидел "Ведьму" в печати. Напиши я этот рассказ не в сутки, а в 3–4 дня, у меня бы их не было...» [Чехов: 219].

В следующем письме от 2 апреля 1886 г. Григорович уточнил:

«Правдивость передачи внешних впечатлений нисколько не требует подробностей грубо матерьяльного оттенка» [Чехов: 430].

Через год, редактируя для сборника «В сумерках» (1887) рассказ «Ведьма», Чехов убрал отмеченные Григоровичем детали.

«Разницу между сухим выражением и живым, художественно-литературным приемом» не следует понимать и принимать буквально: «звеня и подпрыгивая» — удачное художественное дополнение, «вывороченные ногти» — излишнее. Молодой Григорович воспринял урок Достоевского,

⁶ Савельев А. Григорович в инженерном училище по воспоминанию товарища. С. 8.

но с возрастом и развитием авторского стиля пришел к собственному выводу о том, что колоритные подробности и уточнения не всегда полезны. Звуковизуальный образ падающего к ногам шарманщика пятака, созданный Достоевским и воспроизведенный в мемуарах Григоровича, стал классическим уроком писательского мастерства.

Список литературы

1. Артемьев М. А. Образ Ф. Достоевского в стихотворении Т. де Банвиля «Кролики» // Вопросы литературы. 2022. № 6. С. 100–105 [Электронный ресурс]. URL: <https://voplit.ru/article/obraz-f-dostoevskogo-v-stihotvorenii-t-de-banvilya-kroliki/> (15.01.2025). DOI: 10.31425/0042-8795-2022-6-100-105. EDN: ZJGUBW
2. Григорович Д. В. Литературные воспоминания / вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. Г. Г. Елизаветиной. М.: Худож. лит., 1987. 354 с.
3. Григорович Д. В. Сочинения: в 3 т. М.: Худож. лит., 1988.
4. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. [Д30]
5. Елизаветина Г. Г. Воспоминания о литературной жизни // Григорович Д. В. Литературные воспоминания / прил.: Из воспоминаний В. А. Панаева. М.: Худож. лит., 1987. С. 5–22.
6. Захаров В. Н. Проблемы изучения Достоевского. Петрозаводск: ПетрГУ, 1978. 110 с.
7. Красушкина А. В. Вещь VS человек в очерке «Петербургские шарманщики» Д. В. Григоровича // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2007. Т. 13. № 4. С. 117–122 [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_15129438_49579293.pdf (15.01.2025). EDN: MTCAGP
8. Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского, 1821–1881: в 3 т. СПб.: Акад. проект, 1993. Т. 1: 1821–1864. 544 с.
9. Макаров А. Комментарии // Григорович Д. В. Сочинения: в 3 т. М.: Худож. лит., 1988. Т. 2. С. 567–590.
10. Петрова С. А. Интермедальная специфика образа шарманки в творчестве Ф. М. Достоевского // Art Logos. 2021. № 4 (17). С. 35–40 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_47696253_45551431.pdf (15.01.2025). DOI: 10.35231/25419803_2021_4_35. EDN: SKQPZP
11. Сорокина С. П. Шарманка и шарманщики в русской литературе 1840-х гг. // Studia Litterarum. 2021. Т. 6. № 1. С. 206–227 [Электронный ресурс]. URL: <https://studlit.ru/images/2021-6-1/Sorokina.pdf> (15.01.2025). DOI: 10.22455/2500-4247-2021-6-1-206-227. EDN: CSJBTV
12. Тихомиров Б. Н. Актеры-любители — партнеры Достоевского в постановке комедии Гоголя «Ревизор» (Из дополнений к словарю «Ф. М. Достоевский и его окружение») // Неизвестный Достоевский. 2022. Т. 9. № 1. С. 61–79 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1649920204.pdf (15.01.2025). DOI: 10.15393/j10.art.2022.5901. EDN: XQKKRB
13. Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1974. Т. 1: Письма, 1875–1886. 584 с.

References

1. Artem'ev M. A. F. Dostoevsky's Image in T. de Banville's Poem Les Petits Lapins. In: *Voprosy literatury*, 2022, no. 6, pp. 100–105. Available at: <https://voplit.ru/article/obraz-f-dostoevskogo-v-stihotvorenii-t-de-banvilya-kroliki/> (accessed on January 15, 2025). DOI: 10.31425/0042-8795-2022-6-100-105. EDN: ZJGUBW (In Russ.)
2. Grigorovich D. V. *Literaturnye vospominaniya* [Literary Memories]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1987. 354 p. (In Russ.)
3. Grigorovich D. V. *Sochineniya: v 3 tomakh* [Works: in 3 Vols]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1988. (In Russ.)
4. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [The Complete Works: in 30 Vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1988, vol. 30, book 1: Letters, 1878–1881. 455 p. (In Russ.)
5. Elizavetina G. G. Memories of Literary Life. In: *Grigorovich D. V. Literaturnye vospominaniya* [Grigorovich D. V. Literary Memories]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1987, pp. 5–22. (In Russ.)
6. Zakharov V. N. *Problemy izucheniya Dostoevskogo* [Problems of Studying Dostoevsky]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1978. 110 p. (In Russ.)
7. Krasushkina A. V. Thing VS Person in the Essay “St. Petersburg Organ-Grinders” by D. V. Grigorovich. In: *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. A. Nekrasova* [Vestnik of Kostroma State University], 2007, vol. 13, no. 4, pp. 117–122. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_15129438_49579293.pdf (accessed on 15 January, 2025). EDN: MTCAGP (In Russ.)
8. *Letopis' zhizni i tvorchestva F. M. Dostoevskogo, 1821–1881: v 3 tomakh* [The Chronicle of Dostoevsky's Life and Works, 1821–1881: in 3 Vols]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1993, vol. 1: 1821–1864. 544 p. (In Russ.)
9. Makarov A. Comments. In: *Grigorovich D. V. Sochineniya: v 3 tomakh* [Grigorovich D. V. Works: in 3 Vols]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1988, vol. 2, pp. 567–590. (In Russ.)
10. Petrova S. A. The Intermedial Specificity of the Image of the Barrel Organ in the Works of F. M. Dostoevsky. In: *Art Logos*, 2021, no. 4 (17), pp. 35–40. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_47696253_45551431.pdf (accessed on 15 January, 2025). DOI: 10.35231/25419803_2021_4_35. EDN: CKQPZP (In Russ.)
11. Sorokina S. P. Barrel Organ and Organ-Grinder in Russian Fiction of the 1840s. In: *Studia Litterarum*, 2021, vol. 6, no. 1, pp. 206–227. Available at: <https://studlit.ru/images/2021-6-1/Sorokina.pdf> (accessed on 15 January, 2025). DOI: 10.22455/2500-4247-2021-6-1-206-227. EDN: CSJBTB (In Russ.)
12. Tikhomirov B. N. Amateur Actors Who — Partnered with Dostoevsky in the Production of Gogol's Comedy “The Inspector” (From the Additions to the Dictionary “F. M. Dostoevsky and His Entourage”). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2022, vol. 9, no. 1, pp. 61–79. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1649920204.pdf (accessed on 15 January, 2025). DOI: 10.15393/j10.art.2022.5901. EDN: XQKKB (In Russ.)
13. Chekhov A. P. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 tomakh. Pis'ma: v 12 tomakh* [The Complete Works and Letters: in 30 Vols. Letters: in 12 Vols]. Moscow, Nauka Publ., 1974, vol. 1: Letters, 1875–1886. 584 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Артемьев Максим Анатольевич, кандидат психологических наук, независимый исследователь (г. Москва, Российская Федерация); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6188-0134>; e-mail: art-maksim@yandex.ru. *Maxim A. Artemyev*, PhD (Psychology), Independent Researcher (Moscow, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6188-0134>; e-mail: art-maksim@yandex.ru.

Поступила в редакцию / Received 25.01.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 22.03.2025

Принята к публикации / Accepted 23.03.2025

Дата публикации / Date of publication 01.07.2025